КРЫМСКАЯ ПРАВДА
г. Симферополь
27 марта 1988 г.

«КРЫМСКАЯ ПРАВДА»

Сегодня — Международный день театра

СНОВА РАБОТАТЬ, СНОВА ИСКАТЬ...

Имя актрисы Крымского академического русского драматического театра имени М. Горького, заслуженной артистки УССР Л. Бойко известно многим любителям сценического искусства. О ней, о главных чертах ее актерского мастерства рассказывает сегодня ее коллега по театру и работе.

Бойко на репетиции... Сама эта тема глубока и обширна, она может составить предмет целого исследования. Бойко присуще чувство корпоративности. Это начинается, казалось бы, с мелочи — с поистине удивительного отношения к театру, когда исключается недомогание, когда отринуты всякие скидки на звания, когда актриса приходит во всеоружии, всякий раз приносит весомый багаж творческого осмысления роли, раздумий и открытий. Но актриса не только приносит на репетицию плод своего труда, она еще и требует. Требует от партнеров, от режиссера. Требует настойчиво, нелицеприятно, пытливо. Сотни раз она выверяет правду образа, ищет возможность наиболее полнокровного и филигранного воплощения авторского замысла.

Бойко на репетиции... Иногда она похожа на вдохновенного импровизатора, иногда — на холодного исследователя, пытающегося проникнуть не только в сокровенные глубины характера, но и в тайны профессии своей героини, в побудительные причины ее поступков, движений ее души, в перипетии ее досценической биографии. Готовясь к исполнению роли Дарьи Васильевны Кладницкой (драма А. Кравцова «Новоселье в старом доме»), актриса буквально «погрузила» себя в атмосферу блокадного Ленинграда, пытаясь почувствовать верный ритм своей героини.

— Ведь для меня, — говорила Бойко, — важны каждый жест, движение, реплика этой неповторимой женщины...

Не случайно автор пьесы А. Кравцов, переживший ужасы блокады, высоко оценил работу Ларисы Терентьевны: «Я с радостным удивлением принял вашу Дарью, нисколько не похожую ни на одну известную мне исполнительницу... В вас много от ленинградки: слияние внутренней жесткости и простоты, грубоватости рабочего человека с такой же силы добротой и подлинной интеллигентностью, вовсе не внешнего порядка. На мой взгляд, ваш выигрыш в том, что вы через всю роль проносите ощущение материнской потери — утраченных трех сыновей. Что бы вы ни делали, они с вами, в вас. Они-то и составляют столь дорогой для зрителя тайник души актера и персонажа — «второй план». Это — полностью свое, бойковское, открытие Дарьи, и оно вызывает чувство благодарности».

Творчеству Бойко доступны и эмоциональные вершины, и проникновение в глубины интеллекта самого крупного масштаба. Масштаб — именно это определение, пожалуй, наиболее точно передает характер ее искусства. Об этом говорят сам перечень ролей, сыгранных актрисой, их диапазон. Ролей столь разноплановых и не похожих друг на друга, как, например, старуха Ганна в «Вечере» Дударева и изощренная в своем способе существования миссис Туз во «Все в саду» Олби.

Интересно было наблюдать, как искала Бойко зерно столь противоречивого характера, как Нелли в спектакле «Круглый стол под абажуром» Арро, с какой настойчивостью шла она к органическому слиянию таких противоречивых черт, как суетность и стремление возвыситься над буднями... Если ей удалось в конце концов передать диалектику человеческой души, то это досталось актрисе ценой глубокой исследовательской работы, воплотившейся, наконец, в лаконичную пластическую форму.

Последняя работа Ларисы Терентьевны — болгарская женщина Секула, или, как лаконично обозначено в программке — Мать,—из лирико-драматической притчи Цанева «Жизнь — это две женщины». В интерпретации Бойко Секула предстает человеком не только большой духовной силы, страстности, убежденности, но и необыкновенной народной мудрости. Актриса поэтизирует духовную красоту своей героини. Это имеет неоценимое значение для спектакля, который можно было сыграть как вереницу увлекательных и острых событий, фольклорных мотивов. Бойко же нашла возможность сыграть его как драматическую поэму. В таком поэтическом прочтении Бойко и таится неповторимая стилистика спектакля.

Не случайна и долгая сценическая жизнь спектаклей, в которых участвует Бойко. Когда-то К. С. Станиславского волновала проблема долголетия, вечности спектаклей. Он говорил о так называемой «гигиене» роли: «Любая роль на каком-то этапе заболевает, и нужно уметь поддержать ее жизнь. На некоем этом спектакле роль уже сидит на мускулах языка, актер в сущности лишь болтает слова реплик. Эта механичность постепенно въедается в роль, и остается одна форма, пустая оболочка. Задача заключается в том, чтобы научить актера так находить самочувствие, дабы не опустошался образ».

Так вот, у Бойко текст не «сидит на мускулах языка». Любой, даже рядовой спектакль с ее участием чем-то напоминает премьеру и трепетом первооткрытий, в нем как бы присутствует импровизационное начало. А если и случается, что спектакль прошел не на должном уровне, то Лариса Терентьевна воспринимает это как личную вину перед зрителями, перед коллегами, перед собой.

Снова работать, искать... Это ведь не только символ веры, но и программа жизни заслуженной артистки УССР Ларисы Бойко, отдавшей 40 лет крымской сцене. И поэтому каждый следующий спектакль — продолжение поиска, полная самоотдача, непрекращающееся самосовершенствование.

На примере творческой жизни Ларисы Терентьевны начинаешь понимать, что искусство тогда выполняет свою миссию, когда поражает, а не пересказывает известные законы бытия, надоевшие истины... Да, это трудно! Мало кому это подвластно! Потому так и драгоценны эти мгновения в жизни художника.

Ю. ЛОШАДКИН,
артист.

* * *

На снимке: Л. Бойко в спектакле «Жизнь — это две женщины».